ОБЩЕСТВО КНИГОЛЮБОВ

ОТДЕЛ ВЕДУТ ЧИТАТЕЛИ

СОБЕСЕДНИК

Из редакционной почты

Собираю все публикуемые вами экслибрисы и гравюры. В газете они получаются прекрасно! Хотел бы больше читать о современных художниках.

С. КОЛЕСОВ.

В юности он хотел стать врачом, но началась война, и, как многие из его поколения, добровольцем ушел на фронт. Был рядовым, в 42-м году на Северо-Западном фронте вступил в партию, войну закончил лейтенантом в Австрии. Был награжден, ранен, контужен. В ожидании демобилизации в Болгарии осенью победного 45-го Григорий Бакланов и написал свой первый рассказ. Рассказ этот, как сам говорит писатель, получился беспомощно слабым, но были в нем точные подробности войны, которая была еще так свежа в памяти. Именно за достоверное изображение неприкрашенной фронтовой солдатской жизни так высоко ценил Александр Трифонович Твардовский повесть Бакланова «Пядь земли». И именно эта книга стала принципиально важной не только для малоизвестного тогда еще писателя, но и для определенного периода советской литературы о войне. «Пядь земли» была переведена в 30 странах. И первой из стран была Федеративная Республика Германии. Даже во франкистской Испании был сделан перевод этой книги, правда, не с русского, а с немецкого языка.

Беседа с писателем Григорием Бакланом, лауреатом Государственной премии СССР 1982 года

БИОГРАФИЯ ПОДВИГА

— Григорий Яковлевич, повесть «Пядь земли» вы написали через 14 лет после войны, «Навеки — девятнадцатилетние» — в 35-ю годовщину Победы, а время действия, события в них очень близки, и в то же время книги очень разные...

— Повести эти, близкие по времени действия, я писал в разную пору своей жизни. Так, например, «Навеки — девятнадцатилетние», когда уже не в отцы, а скорее в деды годился тем чудным мальчикам, свято отдавшим свои жизни во имя спасения Родины. Естественно, и тональность книги, и смысл ее в значительной степени определялись тем, что писал я, уже многое осмыслив с большого отдаления, зная многое, чего не знал раньше. Ведь время наполняет события своим особым смыслом и значением.

Вообще все свои книги я писал и пишу о времени, в котором мы жили и живем, о том, что каждый хотел, мог, сделал в этой жизни. Ведь значение человека определяется именно этим: его намерениями и тем, что он совершил. Казалось бы, проще сказать: поступками и делами. Но так ли это? В великих событиях нашего века, в которые вовлекались миллионы людей, не каждый мог совершить то, на что был способен, к чему был готов. Вот вам простой пример: во время войны многие, чьими подвигами мы могли бы гордиться, погибли, ни разу даже не успев выстрелить по врагу. Таков в повести «Навеки — девятнадцатилетние» лейтенант Гоша. Сколько я видел таких по госпиталям! Все мои книги посвящены моим однополчанам, посвящены всем, кто воевал, а главное, тем, кто не пришел домой. У каждого из нас, кому повезло вернуться, в сердце, в памяти — навеки

...тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.
Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях,
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег...

На том Берегу остались два моих брата — им посвящена повесть «Южнее главного удара»;

мальчикам 19-ти лет — моему воронежскому однокласснику Диме Мансурову и москвичу Володе Худякову — посвящена повесть «Навеки — девятнадцатилетние».

— Каждое ваше произведение по-своему автобиографично. Вы описываете практически те события, в которых принимали участие. Какое же из произведений вам особенно дорого?

— Памятью, собственным опытом я проверяю то, о чем пишу, но ни одну из моих книг нельзя назвать документальной. По-особенному мне дорог роман «Июль 41 года». И в первую очередь потому, что преклонения заслуживают те, кто пал безвестно в ту тяжкую пору, жизнями своими защитив Родину. Мне было очень важно понять, как из мирной жизни люди мирных профессий вступили в войну и выстояли в ее первый и, тогда всем казалось, последний год. Но этот первый самый суровый год — год сражения под Москвой — и был, как говорил маршал Жуков, самым главным и решающим в ходе войны.

— И роман «Июль 41 года», и другие ваши произведения сопровождают документальные фотографии. По-моему, не было ни одного вашего издания с рисованными иллюстрациями. Как вы объясните: это закономерность или случайное совпадение?

— Фотографии тех лет — это документы. Не относящиеся прямо к тексту — это своеобразный параллельный фоторассказ. Это, если хотите, способ проверки произведения: если есть фальшь, фотодокумент немедленно ее выявит.

— А кто из писателей, пишущих о войне, особенно близок вам?

— Конечно, Твардовский, Симонов. А из моего поколения и Владимир Богомолов (первым же своим рассказом «Иван» прочно вошел он в литературу, стал вровень с лучшими), и Василь Быков, и Анатолий Ананьев, и Даниил Гранин, который недавно вместе с Алесем Адамовичем написал очень сильную вещь — «Блокадную книгу», и Виктор Астафьев, его рассказ «Ясным ли днем», по-моему, один из лучших рассказов о войне. Назову еще и Вячеслава Кондратьева, и Евгения Носова, и Юрия Гончарова, и Константина Воробьева. Всех их отличает главное — талант и обостренное чувство правды.

— Григорий Яковлевич, когда вы приступаете к работе и в процессе создания книги, читаете ли что-нибудь тематически близкое, или, наоборот, вам необходимо отойти от своего материала, отвлечься, передохнуть?

— Когда пишешь книгу, то думаешь только о ней и видишь все избирательно. Кажется, это область жизни, которая в тот момент интересует, вбирает весь мир. Например, в повести «Меньший среди братьев» главный герой у меня историк. И хотя о самой истории я не пишу, но перечитывал Ключевского, Соловьева, Веселовского (благо они у меня есть). Мне интересен был образ мышления историка.

— И в этой повести, и в других ваших произведениях о мирной жизни тоже звучит тема военного поколения.

— Да, все мои книги с мыслью о тех, кто, может быть, сделал бы больше, чем мы, был лучше нас, оставшихся в живых. Я хочу, чтобы мы и наши дети и внуки никогда не забывали о том, что «не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам как друзья, как родные, как вы сами!».

Эти слова Юлиуса Фучика, которые писатель поставил эпиграфом к повести «Пядь земли», с полным правом можно отнести и ко всему творчеству Григория Яковлевича Бакланова.

Беседу вела Марина СЕРГЕЕВА.